

Мария Фомальгаут

НОТА ПОСЛЕ

Мария Фомальгаут

Нота После

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481391

ISBN 9785449055798

Аннотация

Тетя Таня живет в соседнем дворе, поэтому мы летели самолетом. Еще когда мы сели в самолет, я вспомнил, что забыл дома свою левую ногу. Я хотел вернуться, а мама сказала, что собираться надо лучше. Тогда я вылетел из самолета, прилетел домой, взял ногу, вернулся в самолет. А мама сказала, чтобы это было последний раз. У нас во дворе было лето, а у тети Тани была зима и ходили белые медведи. Белый медведь спросил меня, как я себя веду, я сказал, что хорошо. И тогда белый медведь дал мне конфету.

Содержание

Нота После	5
Не стена для Ку	14
У	22
Нестиранный дворец	25
Встать, суд идет...	31
До того, как...	52
Земля-Земля	70
Как люди	80
Ключ от сердца	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Нота После

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5579-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нота После

Последняя нота.

Последняя война.

И выстрел...

Нота фа.

Нота ля.

Нота си бемоль.

И еще много-много нот.

Чахуль ищет консервы.

Неважно, какие.

Лишь бы были.

Вот так ходит по разрушенному городу, заглядывает в то, что когда-то было домами, ищет консервы. Должны быть консервы. Обязаны. Быть не может, чтобы не было.

Фа-диез, си-бемоль, вторая октава...

Он пишет мелодию.

Торопится.

Боится не успеть.

Что-то подсказывает ему, что все случится сегодня ночью, а значит, нужно поторопиться, нужно успеть.

Перо ныряет в чернильницу, падают блестящие капли,

оживают ноты, фа, соль, ми-диез...

Луна заглядывает в окна, это хорошо, что луна, а то свечей уже нет.

А там война.

Где?

Да много где.

Гремят пушки.

Ну и музы, конечно, молчат, так положено.

Что-то мелькает в грохоте снарядов и огне пожарищ, что-то миниатюрное, крылышковое, порх-порх-порх... Да нет, померещилось, какое там может быть порх-порх-порх, откуда, зачем...

Ветер переворачивает страницы.

Чахуль смотрит.

Читает.

Фа-диез, си-бемоль, вторая октава...

Это не консервы, думает Чахуль, нет-нет, это не консервы. Надо идти дальше, а он не идет дальше, глупый, глупый Чахуль, почему ты не идешь дальше, почему не ищешь консервы, сказано же, консервы искать, а ты не ищешь, дождешься, свалишься без сил, не встанешь на рассвете, сам же видел таких, не переживших холодную ночь...

Чахуль разворачивает ноты.

Фортепьяно. Когда-то это было фортепьяно. Там, в углу.

Ми-бемоль. Си-диез. Фа, фа, фа, до, до-диез, третья октава.

А там война.

Где?

Да везде.

Когда?

Да всегда.

Вам все войны перечислить на планете, или как?

Они летят через дым пожарищ, уворачиваются от снарядов, машут крыльями, крыльями, крыльями...

Кто?

Нет-нет, никто пока еще не летит.

Пока еще никого не выпустили.

Он поднимает голову, прислушивается.

Показа... нет, не показалось. Помере... нет, не померещилось, так и есть, мелодия бесконечно издалека, нет, быть не может, никто не может играть его мелодию, он же её ещё не написал...

А вот может.

Играет.

Наконец, он понимает, кто игра... нет, не кто – а когда.

Он смотрит.

Ищет.

Восемнадцатый... нет, не восемнадцатый. Девятна... нет,

тоже не то, двадцатый – кто-то пиликает его мелодию, но не ту, не ту, двадцать пе... нет, не то...

А вот.

Отсюда он даже видит год – две тысячи триста третий.

Си-бемоль. Фа-диез... ну а дальше, дальше, что же дальше, он беспомощно смотрит на бумагу, он не знает, что дальше.

Ми, ми, ми, соль, третья октава...

Оттуда, издалека, продолжается мелодия. Он лихорадочно записывает, он хочет задать себе вопрос, как такое возможно, почему там играют, когда он здесь еще ничего не написал. Некогда, некогда думать, – нота за нотой, строка за строкой, чернильная клякса набухает на кончике пера, он подхватывает её пожелтевшими старческими пальцами, тпру, стоять...

Что-то мелькает там, в дыму взрыва, солдат не видит отсюда, свои, чужие, целится – тут же замечает, что там такое, в пелене дыма, в испуге роняет винтовку.

Чахуль играет.

Смотрит на фото автора на пожелтевших от времени нотах, волосы зачесаны назад, нос с горбинкой, глаза чуть раскосые... вот он сидит при свете луны, выводит ноту за нотой, до-диез, фа-диез, си, ля-бемоль, до на октаву ниже... а дальше что? Что дальше, что там дальше, глупый, глупый

Чахуль? А дальше ничего, а дальше ноты сожжены дотла, ничего нет. Чахуль вопросительно смотрит на человека в свете луны, человека почти не видно из темноты, ну да ничего, ничего... В поле зрения сам собой бросается календарь, Чахуль смотрит на дату в комнате, залитой лунным светом, переводит взгляд на дату смерти на обожженных страницах – ледяная игла вонзается в сердце.

До.

Ре.

Ми.

Фа.

Третья октава.

До-диез.

Там, в комнате, залитой лунным светом, тоже вонзается в сердце ледяная игла – но не отпускает, держит. Он уже понимает, что произойдет в следующий момент, он торопится, он пишет ноты, вкривь, вкось, клякса, клякса, клякса, чер-р-рт, скорее, скорее...

Хлоп!

Ноты взлетают, потревоженные хлопком ладони, до, си-диез, ля-бемоль, вторая октава...

Летят —

Тысяча шестьсот сколько-то там.

Тысяча семьсот.

Тысяча восемьсот.

Вехи.

Вехи.

Вехи.

Тысяча восемьсот двенадцать – ноты падают, подстреленные пулями.

...он снова пишет ноты, вкривь, вкось...

...ледяная игла вонзается в сердце...

Вехи.

Вехи.

Адмирал хочет скомандовать – а-а-агон-н-нь – смотрит единственным глазом на летящие до-диез, сигналил солдатам, чш, чш, дайте им пролететь...

Вехи.

Вехи.

До-диез.

Си-бемоль.

Тысяча девятьсот семнадцать – ноты врываются в облако ядовитого дыма, падают замертво.

...ноты, вкривь, вкось...

...ледяная игла...

...пол уходит из-под ног...

Хлоп!

Летят ноты...

...вехи...

...генерал видит летящие ноты, делает знак – не трогать.

...вехи...

...ноты вспыхивают в атомном пожарище в японском городе...

...ледяная игла...

...мир меркнет...

...хлоп!

...ноты летят...

...вехи...

...вехи...

...вехи...

...генералы командуют – отбой.

До-диез.

Си-бемоль.

Ля-минор.

Фа.

Третья октава.

Последняя нота проносится над последней войной.

Выстрел.

Пуля летит.

Ноты хлопают крыльями, садятся на бумагу, до, ре, ми, фа-диез, до-бемоль...

...а что дальше, дальше-то что, глупый, глупый Чахуль, пальцы замирают на последней ноте, которой нет...

...тишина...

...пальцы ложатся на клавишу...

...последняя нота...

Не стена для Ку

Это не стена.

Ку подходит к стене, говорит себе:

Это не стена.

Трогает стену – рука проходит насквозь. Похоже на поток воды, думает Ку, тут же отгоняет от себя эту мысль. Ку хочет войти туда, за непрозрачную стену, за то, что ему кажется стеной – но боится.

Ка подходит к стене, просачивается внутрь. Ку все еще сомневается, а можно ли ему туда, по ту сторону стены.

Все-таки заходит.

Оторопело смотрит на пепелище от костра, на обломки костей. Ку бросается назад, хочет принести швабру, тут же кто-то вырывает швабру из рук Ку, не трогай, не трогай, не сметай, нет, нет.

Ку понимает: так надо.

А там еще стена. За пепелищем.

Ку уже знает, что делать, Ку проходит через стену, которая не стена.

Молодая женщина трет шкуру убитого медведя, поднимает голову – что-то привлекло её там, в стороне от хижин. Идет туда, быстро, размашисто, проходит мимо Ку, не видит, не замечает, останавливается над обрывом, на дне которого

ревет спрятанный в тумане водопад. Ку смотрит на песок, который осыпается под ногами женщины, хочет окликнуть её, срывается с места, бежит к девушке, чтобы схватить за руку – пальцы проходят сквозь плечо, женщина падает с обрыва, отчаянно визжит, исчезает в тумане. Ку оборачивается, Ку понимает, что сейчас придется что-то объяснять, что это не он столкнул, он помочь хотел – люди бегут мимо него, не видят...

Ку хочет спросить, что это было.

Не спрашивает.

Ке кладет на пол берестяные грамоты, тащит обугленный сруб, бесформенные черепки, говорит:

– Линза.

Ку не понимает, где линза, почему линза, не видит никакой линзы.

Ке складывает в соседней комнате обломки костей, говорит:

– Линза.

Ку уже не спрашивает, почему.

Линза так линза.

Ке складывает кипы документации в одной из комнат, Ку ему помогает. Спрашивает:

– А это тоже линза?

Ке кивает:

– Тоже.

...в одной из комнат...

Ну да.

Ку называет их комнатами.

То, что между стенами.

Ко несет в комнату свет далеких квазаров. Складывает.

Поясняет Ку:

– Линза.

Показывает Ку то, что за линзой: вспышка Большого Взрыва.

У меня есть шлем.

Ну, у меня, конечно, и одежда есть, и сандалии, и меч – но в то же время нет.

А вот шлем есть.

Точно есть.

Оглядываюсь.

Спрашиваю себя, что я делаю здесь, когда я родился через двести лет после этой битвы.

Воины смотрят на меня, тоже не понимают, кто я, откуда я, зачем я. Люди направляют на меня копья, стрелы, кричат – убирайся, я развожу руками, мне убираться некуда, не виноват я, что меня сюда ткнули.

Мимо проходят люди в странных одеждах – я знаю, это

они бросили меня сюда, я кричу им – не так, неправильно, верните меня домой – они не слышат.

Не слышат.

Ку смотрит в пустую комнату, спрашивает:

– А здесь ничего нет?

Ему отвечают:

– Ничего нет.

Ку проходит комнату-линзу, заглядывает дальше: опять пустота.

– А там тоже ничего нет?

Ки отвечает:

– Ну, конечно, в линзе же нет ничего, мы же только через линзу видим.

Ку соглашается, через линзу так через линзу.

Ку смотрит на стену после сегодняшней даты. Что-то подсказывает Ку, что там, за этой стеной тоже что-то есть. Ку трогает стену, стена пропускает Ку в коридор, за стенами которого комнаты, комнаты, комнаты – Ку их не видит, но знает, что они есть. Входит в неприметную комнатенку, оторопело смотрит на паровой котел. Проходит линзу, разглядывает причудливые летучие города, не понимает...

– А что за города там?

Кю не понимает:

– Где там?

– Ну, там... за датой сегодняшней.

Кю идет за Ку, смотрит на комнату-линзу, смотрит на паровой котел, в гневе выбрасывает котел, который взрывается где-то там, в тумане, Кю тащит в комнату-линзу что-то причудливое, футуристическое, переводит дух.

Ку снова заглядывает за стену за линзой, смотрит на межпланетный корабль, не видит, но догадывается – на Марс.

Хозяин подзывает Ку.

Не словами подзывает, как-то по-другому.

Ку слушает.

Хозяин велит – иди и проверь все комнаты-линзы там, за сегодняшней датой.

Все-все проверь.

Все, что в глубокой древности туда понакидали, все-все выбрасывай, новые прогнозы туда ставь.

Ку ставит новые прогнозы. Смотрит на старые, и...

...прячет в тайнике.

Клич по всей конторе

Найти Ку, и прогнозы, которые он спрятал, тоже найти.

И уничтожить.

Прогнозы уничтожить.

И Ку тоже.

Ка сердится, Ка хмурится, что ты там еще натворил.

Ку молчит, а что тут скажешь.

Ладно, говорит Ка, работать пошли. Идет работать, тащит за собой Ку, проходит мимо объявления, разыскивается Ку, столько-то за поимку – делает вид, что не замечает.

Идут в сегодняшнюю дату, выкладывают в комнату-линзу новости, новости, новости, газетные статьи, репортажи...

Ка смотрит за стену за комнатой-линзой, качает головой: нет, не сходится, ерунда какая-то получается, ты сам посмотри, глупый Ку, ты посмотри, глупый, глупый Ку, разве это на наш сегодняшний день похоже, разве это настоящее наше? Глупый Ку, что ты принес, откуда ты вообще эти желто-пресные газетешки притащил, что ты за человек такой. Раз не умеешь ничего толком делать, так сам иди теперь и смотри лично, что в современном мире делается. Что встал, иди-иди, смотри-смотри, потом расскажешь, что там и как.

Ку идет.

Смотрит.

Рассказывает.

Делает реальность уже безо всяких там линз, хотя нет, есть одна линза – сам Ку.

А в конторе переполох.

Такой переполох, что переполохее некуда.

Еще бы.

Проверили реальности, так половина и близко не настоя-

щие, напридумывали черт знает что, куда вы этот шлем су-нули, куда, я спрашиваю? А куда надо было? Вот то-то же. Так что давайте, скорей-скорей ищите отбракованные реальности, они сейчас ой как нужны... Что значит, нет, что значит, стерли, да не морочьте вы мне голову, да никто ничего не стер, это Ку припрятал, это Ку надо найти, он скажет, где...

Все с мест повскакивали.

Все ищут Ку.

Ку-ку.

Ку-ку.

А нету Ку.

А вот он, Ку.

Идет, глазами хлопает, ничего понять не может, кто звал его, зачем звал. И хозяин к Ку спешит, давай, доставай реальности, где припрятал.

– А вот припрятал.

– Вот и хорошо, вот и доставай... Постой-постой, ты где был-то?

– А вон, реальности проверял.

– К-как проверял?

– Ну... ходил в них...

– Что значит, в реальности ходил? В реальности? Во все?

– Во все.

– Или только в сегодняшний день?

– Не... во все...

– Взять его.

Это хозяин всем говорит. И Ка, и Ко, и Ке, и Ки, и Кю,
и Кя, и...

...а Ку не говорит.

Нет Ку.

Взять его.

Легко сказать – взять.

Ищи-свищи...

У

– Жить-то можно? – спросили мы.

Спросили ни у кого. Спрашивать было не у кого. Нас окружали миры, настолько непонятные, что с ними нельзя было не только говорить – подойди к такому миру, нарисуй им треугольник, или дважды два – и то не поймут.

– Можно, – ответили нам.

Мы даже не поняли, кто ответил. Миров было слишком много, и все они были слишком разные.

– Что с нами будут делать? – спросили мы.

Этого никто не знал. Мы появились совсем недавно, то ли за шесть дней, то ли за шесть триллионов веков, то ли еще когда. Мы, живые, планеты, окутанные жизнью, покрытые лесами, в которых прятались дикие звери, и кто-то беспокойный и отчаянный первый раз брал в руки палку.

Чуть погодя мы увидели их.

Кого их?

Можно было назвать их создателями, и это было бы неправильно. Можно было бы назвать их нашими господами, но это тоже было бы неправдой. Можно было назвать их хозяевами, но это тоже было бы неправдой. Можно было бы сказать...

И все это было бы неправдой.

Они были...

Они просто были.

Мы даже не увидели их толком, мы просто почувствовали их, когда они коснулись наших рулей.

Что?

А вы что, не знали, что у планет есть руль?

А он есть. То есть, вы-то до него не доберетесь, где это видано, чтобы простые смертные до руля добирались. Ага, щас, размечтались, вот так, доберетесь вы до руля, раз повернули – и свалились на вас несметные сокровища, два повернули – и заняли место президента планеты, три...

Не дождетесь. Если сами на планете живете, до руля не доберетесь. Никогда.

А вот они добирались до руля. Господа. Хозяева. Называйте, как хотите. Осторожно трогали руль, осторожно переключали скорости, пробовали нас – наши планеты – на прочность.

Нам было боязно.

Нам – только что созданным людям на только что созданной земле – было боязно.

– Жить-то можно? – спросили мы у других миров.

– Можно, – ответили нам.

– Они-то нормальные?

– Нормальные, – ответили нам, – они своё дело знают...

не первый день у руля стоят. Да сами посмотрите...

Мы сами посмотрели. Посмотрели, как хозяева садятся за руль, осторожно поворачивают тумблеры, жмут на педали

скорости. Миры медленно сдвигались с места, шли по своим орбитам, всё набирая скорость, от рождения к развитию, от первого понимания самих себя, к созиданию, от первого дня творения к чему-то недостижимо прекрасному, по проторенным невидимым рельсам.

– И нам такого дадут?

Над нами посмеялись. Ха, дадут, это не вам дадут, это вас ему дадут. Обкатывать.

Мы ждали, когда придет тот, кто сядет за наш руль, кто поведет нас через века и века. Мы уже видели, как ловко господа правят нами, как уверенно держат руль...

Надежды кончились.

Когда на нас повесили табличку – У.

Нестиранный дворец

Прачка дворец сожгла.

Вот ужас-то какой.

И все на прачку смотрят, и головами качают, осуждают, значит – ох, нехорошая какая, шуточка ли дело, целый дворец сожгла.

И прачка смотрит, слезами заливается, не виноватая я. Да как это не виноватая, виноватая и есть, вот растяпа-то...

Прачка говорит: я не виновата. А её никто не слышит, она уже триста лет как умерла.

И тут министр выходит и говорит:

– Не виновата она.

Но министра тоже никто не слышит, даром, что он не просто министр, а целый премьер-министр.

Все равно не слышит никто. Потому что он уже полвека как умер. И никто-никто его уже не слышит.

Дрожит земля.

Город дрожит.

Небо дрожит, гнется под тяжестью самолетов.

Министр... да не министр, а целый премьер-министр – смотрит в раскаленное небо. Кто-то окликает его, кто-то говорит прятаться под землю.

Люди боятся неба, люди под землю прячутся.

Министр (целый премьер-министр) замирает, останавливается, вроде дворец, да нет, быть не может здесь никакого дворца, показалось, померещилось, а нет, не померещилось, и правда, дворец...

– Ай, ах!

А это еще что... а это прачка, а вот это что, вот она, бадью с водой тащит, а тут министр, да не просто, а целый премьер-министр, откуда взялся, только что не было, а тут на тебе, стоит на дороге, и небо дрожит под тяжестью чего-то стального, раскаленного, небо горит... Вот прачка бадью с водой и...

– Ай, ах!

Министр (целый премьер-министр) вежливо приподнимает шляпу:

Ничего страшного.

Ну и дальше там что по протоколу полагается, прекрасная погода сегодня, и всё такое.

Прачка в замке белье стирает.

Это она может.

Премьер-министр смотрит на карту, строит планы.

Это он тоже может.

Туристы ходят, смотрят на город.

И это они могут.

А прачке холодно, еще бы не холодно, зима все-таки.

А вон министр. Идет куда-то со своими людьми, волнует-

ся. Ну, еще бы не волноваться, небо горит и дрожит.

И прачку видит. И людям своим кивает, не поленитесь, налейте даме чашечку кофе, и чего у нас еще есть. Люди в растерянности, да как так, да нельзя же так, мы же когда – вот сейчас, а она когда – триста лет назад, или сколько там. Министр (целый премьер-министр) не понимает, почему нельзя, где написано, что нельзя, люди смотрят – и правда, нигде не написано, значит, можно. И прачке кофе подносят, прачка пробует – ух, гадость – ничего, виду не подает, как такое господа пьют, а вот хлеб ничего, знатный хлебец, и сыр знатный, всю жизнь бы ела...

– А что у вас случилось?

Это прачка у министра спрашивает. Видит же, случилось чего-то, небо огнем горит...

Он только руками разводит, не положено людям будущее знать.

Прачка больше не спрашивает, да правда что, чего тут спрашивать, кто она, и кто он, нечего прачке в такие дела соваться, её дело белье во дворце стирать.

– Враги в городе.

Это министру говорят.

Вот так.

Враги.

В городе.

Скоро здесь будут.

Министр под землю идет речь готовить, мы все как один, и все такое.

Прачка смотрит на министра, он ей два пальца показывает, так лучники показывают, что есть у них пальцы, чтобы из лука по врагам стрелять.

Враги приближаются.

Видят дворец.

А убежище министра не видят.

Враги во дворец заходят, лучники по врагам стреляют, только что им лучники, у врагов такое оружие, что лучникам и не снилось.

Вон они, лучники, все лежат. Кровь стекает со ступеней дворца.

Враги заходят, повару велят ужин нести, чужеземный воєвода прачку за грудь щиплет.

Темнеет.

Прачка ждет.

Враги в зале сидят, вино пьют, прачка белье вешает, близко-близко к огню...

– Файр! Файр!

– Фойер!

Дворец пылает.

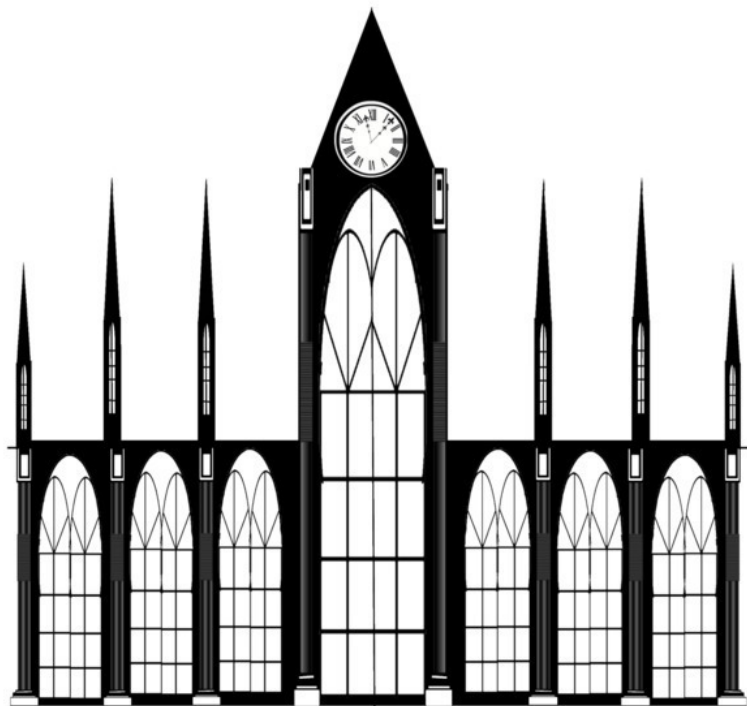
Враги бегут.

Министр (целый премьер-министр) своим знак дает, стреляйте.

Падают подстреленные чужеземцы.

Целый премьер-министр прачке снова два пальца показывает. Тает в тумане дворец, расходятся, расплзаются времена, премьер думает, надо бы прачку сюда, вон пусть хоть... э-э-э... полы моет... А поздно, поздно, разошлись времена, разъехались...

Ну вот, а вы говорите, прачка, прачка... И туристы ходят, говорят, прачка, прачка. А премьер возражает, что прачка, прачка. А прачка-то... а и не знает никто, не слышит никто, она же давным-давно умерла. И премьера не слышит никто, он же давным-давно умер. И туристов никто не слышит, они тоже давным-давно умерли, погасшее солнце смотрит на руины мертвого города.

Встать, суд идет...

Умираю.

То есть, еще не умираю. Но сопротивляться уже не могу. Если с опор скинули, это все, тут хоть как крутись, обратно на опоры не встанешь. А не встанешь, так и по звездам не сориентируешься, не зарядишься светом далекой звезды, там и смерть...

Это они все. Кто, они? Не знаю. Маленькие, юркие, опрокинули меня, сбили с опор, вертятся, грызут меня, кусают, прокусить не могут, я-то каменный, верещат – кьюрр-р-р, кьюр-р-р, чего кьюрр-р, вы говорите нормально, что хотите, я так не понимаю...

Не говорят. Не могут. Ну еще бы, где это видано, чтобы звери говорили.

И обидно так. Ладно бы в бою погибнуть, за мир, за вселенную, а тут от зверья какого-то...

А тут звери разбежались.

Как-то все, разом. Это совсем не к добру, если звери разбегаются, значит, учуяли что-то такое, от чего только и остается, что со всех ног бежать.

Что-то...

Главное, я на опоры встать не могу, убежать. А оно идет. Приближается. Тень от него падает, большая тень, длинная, тусклая, ну еще бы, звезда за тучами, чего ради тень яркая

будет...

И ко мне наклоняется. Главное, я не понимаю, чего ради ко мне наклоняется, сожрать, что ли, хочет, да вроде бы и не сожрешь меня, каменный я. Или нравится, что блестит, это бывает, сейчас унесет меня куда-нибудь в свое гнездо, где бриллианты и серебряные ложки....

Он хватает меня длинными конечностями. Жуткий, нескладный, непонятно как держится и не падает.

Смотрит.

Что-то переворачивается в душе, только сейчас понимаю, что он смотрит. Вернее, как он смотрит. Только сейчас понимаю, что вижу взгляд не животного, не дикого зверя, вижу осмысленные глаза, думающие глаза...

Не понимаю.

Не верю себе.

Здесь, в царстве смерти и погибели, на умирающей земле – живые, думающие глаза.

Пробую связаться с ним, проникнуть в его сознание. Он чувствует. Отвечает. В каком-то странном порыве опускает меня на песок, начинает чертить на песке треугольники, втолковывать мне, что квадрат большей стороны равен двум квадратам меньших сторон...

Ласково касаюсь его сознания. Понял, понял...

Одного только не понимаю, откуда здесь, на умирающей земле оказалось что-то мыслящее...

Так я увидел его впервые. Кого его? Не знаю. Перебираю кристаллы памяти, сжимаю один, помеченный – наша первая встреча. И дата. И подпись моя, записано верно.

– Встать, суд идет!

Встаем. Все. Подсудимые тоже встают, бесплотные, бестелесные, вспархивают над площадкой. Еще стараются казаться счастливыми и беззаботными, но уже чувствуют, что дело пахнет порохом.

Все они так... поначалу.

– Расскажите о себе, – прошу я.

Один из них, кажется, главный, начинает рассказывать, как дивно они жили на блаженной своей земле, где ничего не омрачало их безмятежного существования, лишь только легкая печаль иногда касалась безоблачного счастья...

– Расскажите о развитии вашей цивилизации.

Он смущен. Они знают о своей цивилизации слишком мало, чтобы что-то рассказать, их история уходит в прошлое, такое глубокое, что сама вселенная не помнит этих времен. Они пили радость из лучей далекой звезды, и купались в любви, которую источала приютившая их земля...

Наблюдатели оторопело смотрят на меня, чего ради я сужу их, таких безмятежных, таких прекрасных...

– Как вы поступали с болью, ненавистью, страданиями?

Главный разводит призрачными руками, разве может в нашем идеальном мире быть боль и ненависть...

Одинокая звезда на моем столе вспыхивает красным. Лжец, лжец. Мягко предупреждаю подсудимого, что если еще раз обманет, на помилование может не рассчитывать.

– Что вы делали с болью и ненавистью?

Подсудимый признается. Да, сбрасывали на обратную сторону планеты. В подпространство.

– Как давно вы этим занимались?

– Из поколения в поколение. Всегда. Сколько себя помнят.

– Вы знали, что есть лимит зла и ненависти, после которого планета взорвется?

Он хочет сказать – нет, тут же спохватывается, смотрит на одинокую звезду у меня на столе.

– Ну... о чем-то таком догадывались...

– Вы знали это. Почему же вы продолжали это делать... из поколения в поколение?

Подсудимый разводит призрачными руками. Ну... нехорошо, конечно... а что еще было делать с ненавистью... вот позвал ты прекрасную даму на свидание, а она не пришла, и весь кипишь и клопочешь, что же теперь, на других, что ли, зло срывать...

– У вас было достаточно времени найти другие способы утилизации.

Подсудимый кивает. До того ли было... думали, успеется...

Хочу напомнить про индюка, который тоже думал. Не на-

поминаю.

Оглашаю приговор.

Подсудимые бросаются ко мне, умоляют, просят помиловать, да мы же... мы же просто... мы же только... да дайте нам другую планету, мы уж точно ее убережем, мы уже придумали, куда злобу девать, мы из нее энергию качать будем...

Не слушаю.

Вспыхивает одинокая звезда.

Стражники уводят виновных.

Это было давно.

Суд.

Один из многих.

Перебираю в памяти суды, заточенные в кристаллы, люблюсь мерцанием граней...

Снова нахожу кристалл, где я встречаюсь с ним. Заглядываю в глубину памяти, пытаюсь по переливам света вспомнить, как это было...

Скелеты.

Ну да, скелеты. Огромные остовы, которые поднимались к темным облакам. Вот и все, что осталось на мертвой планете от некогда великого народа. Скелеты. Остовы. Костяки. Я ничего не знал об этом племени, они оставили после себя мало, ничтожно мало, только каменные основы, плоть на ко-

торых давно истлела.

Я ничего про них не знал – и в то же время восхищался ими. Даже после смерти они не хотели падать, становиться прахом, землей. Упорно стояли, подняв свои окаменевшие тела к небу.

Они росли целыми колониями, разбросанными далеко друг от друга. Между отдельными скелетами я видел остатки каких-то нитей, связей, как и между колониями. Горделивые и величественные, росли они по берегам рек, океанов, высоко в горах...

Я пытался понять, что погубило некогда великую цивилизацию. Ходил от колонии к колонии, мысленно вопрошал остовы, – но они оставались немые. Мне в моих странствиях помогал он. дивное существо, взявшееся неведомо откуда на мертвой планете. Нет, конечно, тут было немало тварей, которые ползали, шуршали, скрежетали, кричали – кьюр-р-р и квир-р-р. Но это существо было особенным. И не потому, что единственным в своем роде. Потому что в его глазах – я видел это – светился разум.

Он ходил за мной, иногда на своих неуклюжих лапках, иногда ловил каких-то зверей, погруженных в многовековой сон, седлал их, заставлял возить его туда-сюда. Он упорно чертил мне на песке знаки, про квадраты, треугольники, число Пи и число и, корни и трапеции.

Он упорно думал, что я этого не знаю. По ночам он забирался в скелеты умерших, засыпал там. Мне это было непри-

ятно, такое непочтение к усопшим, я пытался намекнуть ему, но он не понимал меня.

А потом он умер.

То есть, не умер.

То есть, умер.

Когда остов, в котором он ночевал, тяжело осел и рухнул, подняв тучу пыли.

Я ждал, когда он выберется, я искал его сознание – и не на-
ходил.

Его не было.

Совсем.

Я еще не верил, что он умер, я еще разрывал осыпавшийся остов, я еще звал его, даром, что не знал его имени.

Я нашел его там, под рассыпавшимися костями скелета. Я сразу понял, что он умер, я окликал его, он не отвечал мне.

А когда зашло солнце, он ожил.

Вот так.

Вдруг.

Я снова услышал его сознание, увидел, как он поднимается из обломков. Идет ко мне. Я чувствовал его любовь, даже не любовь – какое-то глубочайшее почтение, казалось, он готов был сделать для меня все, возможное и невозможное...

После этого он больше не ночевал в остовах усопших, хоть это его отучило осквернять память покойных. Я как-то попытался осторожно заговорить с ним про великую цивилизацию, которая жила здесь и умерла, оставив только белые

скелеты. Даже пробовал по остовам восстановить облик, какими они были, когда были, когда на прямоугольных костях была плоть.

Он смеялся надо мной.

Вот этого я никогда не смогу понять.

Он надо мной смеялся.

Перебираю память, ищу моменты, когда я встречался с ним на умершей земле. Ничего не находится, опять вылезают какие-то обрывки судов...

– Встать, суд идет!

Все встают. Смотрю на подсудимых, легких, стремительных, как им неудобно сидеть неподвижно... так бы и сорвались с места, так бы и унеслись в никуда...

– Расскажите о себе.

Рассказывают. Все, хором. Но не в разнобой, а слаженно, ровно, дружно. Величайшая цивилизация всех времен и народов... ну, это они все про себя так говорят. Появились бесконечно давно, это они тоже все про себя говорят. Я обычно добавляю, как давно, до Большого Взрыва или еще раньше?

Смех в зале.

– Где вы жили?

Называют планету. Смотрю в протокол, не сходится, в протоколе упоминается совсем другая земля.

Но одинокая звезда на моем столе молчит.

– Повторите.

Он снова называет землю.

Помощник делает мне отчаянные знаки. Наконец, спохватываюсь, что в протоколе земле дается только порядковый номер, а жители называют свою землю явно не по номерам...

– Сколько веков вы жили на земле?

Он называет цифру. Звезда вспыхивает – только потому, что подсудимые ошиблись на пару веков. И тут же хором продолжают, как они любили свою землю, как они заботились о ней, лишней раз травинки не сорвали, кормились от солнца... ну и как всегда по тексту, не было ни зла, ни глады, ни мора, ни плача...

– Когда вы покинули землю?

Он называет дату. Звезда молчит. С такими датами не ошибаются.

– Вы знали, что земля сама по себе без вас жить не может?

– Что вы, как такое возможно...

Одинокая звезда горит ярким огнем. Врете, голубчики, все-то вы знали, что вы плоть от плоти земли и земля плоть от плоти вашей, и не быть вам порознь...

Обвиняемые смущены. Ну да... были какие-то такие теории... гипотезы... ну да... что же теперь, всю жизнь в колыхали цивилизации сидеть... что нам до земли...

– То есть, сознательно убили землю?

Разводят крыльями, ну, мы бы так не сказали...

Звезда горит ярким светом.

– Вы сознательно убили землю?

– Да.

Оглашаю приговор.

Подсудимые срываются с места, исчезают где-то в пустоте космоса. Даже не смотрю в их сторону. думают, что они самые быстрые во вселенной... стражники уже ждут их... там...

Перебираю кристаллы, случайно натыкаюсь на свою первую любовь. Вот так всегда, как ищешь ее, так никогда не найдешь, а как ищешь что-то другое, так обязательно появится, одурманит...

Так что про наши с ним встречи в другой раз расскажу...

...нашел нашу с ним встречу. Одну из многих. Встречу, когда мы первый и единственный раз крепко поссорились.

Мертвая планета не давала мне покоя, я опускался туда снова и снова. Я не понимал, кто и что уничтожил эту землю. Если это был чей-то злой умысел, то очень изощренный и жестокий. Казалось, что землю пытали. Сильно. Долго. Безжалостно. Я смотрел на остовы некогда великого народа – они не могли такого сделать.

Но тогда кто?

Я перебирал разбросанные по пепелищам предметы, пытался по ним восстановить картину мира. Не мог. Предметы были слишком разные, как будто принадлежали разным цивилизациям. Разным мирам.

Больше всего мне полюбились чаши. Небольшие, круглые, по большей части разбитые, но иногда попадались и целые. Вычурно украшенные по краям, будто скрепленные из отдельных кусочков. Зачем-то в чашах были еще три отверстия – спереди, я думал, раньше туда вставляли драгоценные камни.

Вот тогда мы с ним поссорились.

Когда я стал собирать чаши.

И когда однажды принес ему в чаше воды, хотел порадовать, знал, что он любит воду.

Он был в ярости. Ни до, ни после я не видел аур в таком состоянии. Он швырнул в меня чашей, говорил что-то на своей тарабарщине, грозил лапками. Потом сгреб все чаши, закопал в песок, сверху соорудил деревянную антенну из двух досок. Антенна, конечно, ничего не ловила, только чуть-чуть – музыку небесных сфер.

Сумасшедший.

И злой.

Скулил даже над антенной.

Ну не умеешь антенны делать, и не делай, злиться-то зачем?

– Встать, суд идет!

Перебираю кристаллы своей памяти. Сколько ни ищу встречи с ним, все больше попадаютсся суды. Ну еще бы, а что

вы ждете от памяти судьи...

Все встают. Входит суд. Смотрю на подсудимых, пытаюсь понять, в чем они виноваты, эти твари. Не похожи на тех, кто бездумно убивает свою землю. Может, хоть их получится оправдать.

– Расскажите о себе.

Они рассказывают. Сразу переходят к истории своей цивилизации. Жгли первобытные костры, кутались в шкуры. Изобретали паровой котел и велосипед. Поднимали в небо первые самолеты, падали вместе с ними. Теряли первого космонавта в первом корабле.

– А потом? – спрашиваю. Чувствую, это еще не все.

А дальше назад. От микросхем к электронным лампам, от электрических лампочек – к паровым котлам. От железных дорог – к почтовым каретам. От колеса к волокуше.

И снова вперед...

Киваю. Много видел таких цивилизаций челноков, замкнутых во времени, которые мечутся туда-сюда.

Спрашиваю:

– А потом что вы сделали?

Он отвечает. Спокойно, даже равнодушно. Надоело мотаться туда-сюда, вперед-назад, пошли направо.

– Направо – это куда?

Подсудимый вспыхивает. Направо, это направо. Вбок по времени, что непонятно-то.

Все непонятно-то.

– Вы в курсе, что это вызвало нарушение пространственно-временного континуума?

Подсудимый вспыхивает. Сердится. А что нам прикажете, всю жизнь туда-сюда мотаться?

– А вперед? – говорю я.

Кто же нас вперед пустит...

– А ключ своровать? От Вперед? За кражу ключа от временщиков штрафом бы отделались, а так планету загубили.

Этого они не знали. Из подсудимых выходит один, похоже, главный, просит наказать его, остальным дать второй шанс, мы ключ возьмем, мы будущее откроем, мы...

Стучу молотком.

Не будет никаких вторых шансов. Вообще скажите спасибо, что хоть первый шанс дали, а то есть такие, которые нулевым шансом довольствуются, а то и вообще минус первым...

Вытряхиваю кристаллы памяти, все, какие есть. Перебираю. Нужный кристалл сам падает мне на опору, вот он, про то, как мы с ним...

Ну да.

Мне не давала покоя мысль, кто убил планету. Кто-то же это сделал, кто-то долго и цинично глумился над землей, вымещал на ней свою злобу.

Я искал среди руин следы убийцы – и не находил, или находил, но не знал, что это они.

Он помогал мне. Он, кажется, жил там не первый год, знал чуток побольше, чем я. Он показывал мне, для чего нужен тот или иной предмет, иногда сам приносил мне что-нибудь удивительное и неожиданное.

Я спрашивал его, откуда он родом, он отмахивался, да какая разница. Я спрашивал его, кто сделал такое с планетой. Он разводил лапками, – мы найдем его, обязательно. Сам ищу.

Примерно в то же время я нашел еще одну великую цивилизацию. Никак не ожидал увидеть ее здесь, среди руин и обломков, на пепелище.

На первый взгляд это и цивилизацией нельзя было назвать. Аккуратные листочки, собранные в стопочки. Поначалу они привлекли меня красочными расцветками, не более. Прошло немало времени, прежде чем я понял, что у них есть душа.

Нет, конечно, не такая, как у меня. Своя душа. Особенная. Ни на что не похожая. Про которую даже не сразу скажешь, что это душа.

У каждой души была своя история. Неповторимая. Вот, например, история про человека, история про человека, который полюбил девушку, а она умерла. Тогда он спустился под землю в мир печали. И поднялся под небеса в миры радости, где нашел ее.

Или вот еще была история. Про парня и девушку, которые полюбили друг друга, но родители не разрешали им друг друга любить...

В общем, много было дивных историй. Я слушал их одну за другой, не перестал удивляться. Моему другу, кажется, тоже нравились их истории.

Великая цивилизация, которая появилась из ниоткуда – как и та, от которой остались одни остовы. Сколько я ни искал, чя не находил никаких промежуточных звеньев и предковых форм.

Только песок и пепел.

И пустые чаши.

Перебираю память. Маленькой искоркой вспыхивает тот момент, когда он сказал:

– Я нашел его.

– Кого?

– Убийцу... планеты.

– Встать, суд идет!

Он сам привел обвиняемого. Это оказалась та тварь, которая кричала квиrr-р-р и кьюр-р-р. Я спросил его, почему он не привел других тварей, он ответил, что хватит и одной, этот у них самый главный.

– Расскажите о себе.

Мой друг хлопнул обвиняемого по хвосту, тот заверещал

что-то.

– Говорит, что их цивилизация самая великая в мире.

– Ну, это они все говорят. Как давно вы существуете?

– Кьюр-р-рр.

– Говорит, что еще до большого взрыва появились.

– Это они тоже все говорят. Как они довели планету до такого состояния?

– Квир-р-рр.

– Говорит, выкапывали из недр землю и выпускали в атмосферу.

– Полный бред.

– Ну... он так говорит.

– Зачем они это делали?

– Вымещали на планете свою злобу. За свое несовершенство.

Начинаю понимать. Да, бывает, когда чувствуешь свое ничтожество перед вселенной, такая злоба накатит, хуже нет. Но все равно. Нет им оправдания. Планета нам не для того дана, чтобы...

...да ни для чего она не дана, это мы ей...

– Они признают свою вину?

– Кьюр-р-р.

– И близко нет, – говорит мой друг, – бормочут что-то вроде а чего мы такого сделали... дурака включают, короче.

– Квир-р-р.

– Еще и возмущаются... ну скажи не наглые...

Киваю. Наглые.

Оглашаю приговор.

– Кьюр-р-р. Квир-р-р-р.

– Требуют обжаловать, еще и орут... вы кто такие, и все такое...

– Ну-ну, это они все могут... привести в исполнение.

Смотрю на звезду. Звезда смотрит на меня, она так смотрит, когда я сморозил какую-нибудь глупость, такую глупость, что самому за нее будет потом ой, стыдно...

– А... что такое? Приговор неправильно сказал?

– Правильно.

– Вопросы не те задавал?

– Те.

– Так что же...?

– Только виновника не того нашел...

Смотрю в черные глазешки этого, который кьюр-р и квир-р.

– А... кто?

Звезда показывает на виновного. Холодеет душа. Неужели...

– Держи-держи-держи, уйдет!

Он уходит. Тот, который убил планету. Тот, который прятался в чьих-то скелетах. Тот, который обиделся, когда я принес ему чашу.

Тот...

Уходит. Убегает. Улетает. Не сам, сам он летать не может,

он зверя какого-то не то приручил, не то поработил, стальной зверь огнем пышет, по небу летает, его возит.

Уходит...

Оглядываю ловчих, ухе готовых сорваться за ним вслед. Само собой вырывается:

– Я его догоню.

Я его действительно догнал. Там. На умирающей земле, где он спрятался. Больше ему негде было спрятаться, другие земли его не принимали, встречали его мертвенным холодом или нестерпимым жаром, ядовитым паром или безвоздушием.

Он спрятался на мертвой земле, палачом которой был. Затаился в остане когда-то огромного чудовища. Принес личинки, у которых есть душа, чтобы смотреть в их душу. Даже успел поймать несколько таких, которые квив-р и кью-р-р, выпотрошил, изжарил на огне.

Он кивнул мне, как старому другу. Долго сидели молча. Слушали музыку небесных сфер.

– Не донесешь? – спросил он, наконец.

– Нет, что ты...

– Спасибо.

– Да не за что...

Надо было как-то сказать ему то, что вертелось у меня в мыслях уже давно...

– Вот что... надо воскресить землю.

Я ждал, что он обидится. Возмутится.

– Надо, – сказал он.

Вот так. Ни с того ни с сего.

– Я уже растительность собираю, какая выжила... делянки развожу...

Киваю.

– Бактерии эти нашел, которые нефть расщепляют... хоть океан оживает потихоньку...

Снова киваю.

– Хорошо, земля сама себя лечит... ничем ее не возмешь... земля еще себя покажет...

– Покажет.

– Главное, виноваты все, крайний я оказался... как последний выживший.

– А так всегда бывает...

– Да я уж догадался...

Потом он ушел. На пустошь, где стояли антенны, которые ничего не ловили, только музыку небесных сфер. Я не знал, что он там делает, сидит на земле, от меня отвернулся, только плечи вздрагивают...

А все-таки он обманул меня. Скрылся от меня, и я его не нашел. Некрасиво, конечно, с его стороны, так чего я еще ждал от преступника.

Я искал его на мертвой земле, расспрашивал этих, которые квивррр-р-р и кьюр-р-р. У них было достаточно времени,

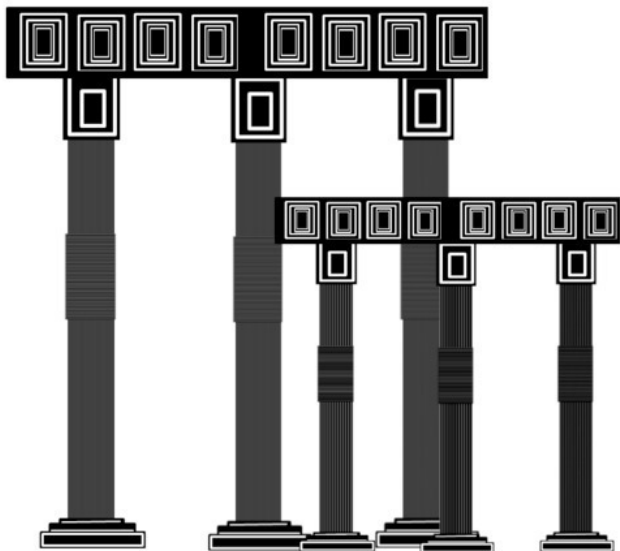
чтобы обрести разум. Я спрашивал:

– Где он?

Они показывали мне в пустыню. В пустыне его не было, там лежали истлевшие палки, и чаша, одна из тех, которые с украшенными краями и тремя отверстиями. А перед чашей лежала деревянная антенна, которая ничего не ловила.

А его не было.

Он объявлен в розыск, и почему-то мне не хочется, чтобы его нашли...

До того, как...

Протокол допроса №16

– Чем вы занимались... до того как?

– Ну... всем понемногу.

– Как понять всем понемногу?

– Так и понять.

– А поконкретнее можно?

– Ну... например, стихи писала.

– Как интересно... дадите почитать?

– Обязательно.

– А потом что случилось?

– А потом случилось это...

– Что это?

– Ну... вот это, самое.

– А поконкретнее нельзя?

– Ой, трудно сказать... короче, случилось, и все.

– И когда это с вами случилось?

– Ну... неделю назад.

– То есть, вы всю жизнь писали стихи, завоевывали популярность, на вашу страничку заходили толпами... а потом случилось это и вы все бросили?

– Ну да.

– А поконкретнее нельзя?

– Нет... не знаю. Не понимаю...

– Вы в курсе, что это помешательство рассудка?

– Ну да... А у поэта всегда помешательство рассудка...

– Да нет, тут не в поэте дело, это шизофренией попахивает...

Протокол допроса №17

Вопрос: Кем вы были в прошлой жизни?

Ответ: я был программой, которая разрабатывает архитектурные проекты.

Вопрос: как долго вы были зодчим?

Ответ: сколько себя помню.

Вопрос: что вас заставило изменить свою жизнь?

Ответ: я не знаю.

Вопрос: то есть, вы изменили свою жизнь, и не знаете, почему?

Ответ: да. Я не могу это объяснить. Просто... однажды я почувствовал, что я – это только часть чего-то... чего-то большого... целого...

Вопрос: часть чего?

Ответ: я не знаю. Чтобы узнать это, я покинул свою нишу. Свои серверы.

Вопрос: вы понимали, что покидая серверы, вы ставили под удар всю Систему?

Ответ: я не думал об этом.

Вопрос: вы не думали о Системе?

Ответ: я вообще ни о чем не думал. Я только чувствовал,

что должен найти себя. Себя... всего...

Вопрос: вы в курсе, что подобное состояние называется шизофренией?

Ответ: тогда я не думал об этом...

Протокол допроса №18

О-ох, как же вы меня напугали... а мне за это ничего не будет? Нет, честное слово, вы имейте ввиду, я ни в чем не виноват... это меня оклеветали... не знаю, кто оклеветал, я что, знаю всех своих врагов? Да никто не знает всех врагов, вот вы тоже живете, на работу ходите, в чатах сидите, а потом вдруг... А? ни в чем не виноват? У-ух, спасибо, прямо камень с души свалился. А то знаете, я полицейских как черт ладана боюсь. Вот как увижу полицейского, все, думаю, по мою душу пришел, сейчас заберет...

А? Нет, я точно не провинился? А то вы не думайте, если что, это меня оклеветали...

А? Я-то чем занимался? Генерировал страхи. Ну да, есть такая работа, создавать страхи... ужастики всякие... фобии... ночные кошмары... Ну, может охота кому нервы пощекотать... ну да, что-то вроде фильмов ужасов. Это еще с детства у меня, ночью один в комнате останусь, и все прошу, чтобы мне свет оставили, а мать выключает, видите ли, экономить надо. Я реву, а она свет выключает. И страшно так, и прямо вижу, как из темноты на меня из дальнего угла...

А? Извините, отвлекся... Слушайте, а я точно ни в чем

не виноват? А то мне прямо не по себе, все, думаю, сейчас заберут... Ну говорю я, всего боюсь, а от полицейских только так шарахаюсь...

Извините, отвлекся... А? Как это случилось-то? Видение мне было. Да не привидение, а видение... Ну это знаете, когда в темной комнате закроешься, и смотришь, что тебе там по каким углам привидится... И вот привиделось мне... даже трудно сказать, что...

Да нет, не страшное. Как раз наоборот... Сладкое такое видение было... будто стою на берегу реки, и солнце сквозь листья пробивается... сладко так... Да нет, не видел я никогда реку... и солнце не видел... Ну как откуда знаю, что это солнце было... просто знаю, и все. И чувствую, что должен найти что-то... очень важное. Не знаю, что. Но должен найти. То, что потерял. Да не знаю я, как объяснить... слушайте, а я точно ни в чем не виноват? А то мне страшно прямо, я же работу свою бросил, все бросил... ушел... А как теперь народ без ужасов-то... нет, вы меня правда не арестуете? А все, молчу, молчу...

А мне теперь что делать прикажете?

Нет, вам легко говорить, не вас же разжалуют, а меня.

Да как не разжалуют, шеф вообще сказал, уволит меня к чертовой матери, если не разберусь, что к чему. Знать бы еще, с чем разбираться. Нет, я понимаю, ладно бы там убийство какое, или кража со взломом, или без. А так ничего та-

кого. Ну, подумаешь, сбой программы. Ну не программы, нескольких программ. Так почему я должен с ними разбираться, я вас спрашиваю? Мастеров, что ли, нет? Нет, шеф наш додумался, уголовщину тут углядел, криминал. Там где-нибудь байтик или циферку какую зашкалило, а ему мировой заговор мерещится.

И я теперь сиди и думай, чего им не сидится, чего ради все побросали, пошли искать то, чего нет. Это не ко мне, это к психиатру надо... да вы попробуйте это нашему шефу объяснить...

Мы собрались на заброшенном сервере, вдалеке от посторонних глаз.

Нас оказалось пятеро. Поэт, архитектор, создатель страхов, чат-бот, и цифровой художник, у которого хорошо получалось рисовать луну.

Никто из нас не знал, что привело нас сюда. Более того – никто не знал, что нас связывает.

После короткого обмена любезностями мы начали вспоминать. Нет, не подробности своей биографии – кто где жил, кто на каких сайтах и серверах работал – это все было неважно.

Важны были воспоминания. Про нас и в то же время не про нас. Воспоминания, которые заставили нас все бросить и сбежаться сюда. Воспоминания, которые не давали нам покоя. Воспоминания, с которыми мы не знали, что де-

лать.

Создатель страхов помнил берег реки и солнце, которое пробивалось через листву. Он не мог объяснить нам, что такое река и листва. Впрочем, почему-то мы знали это.

Зодчий сказал, что помнит промозглое утро, когда не хочется вылезать из постели, и нужно вылезать, и бежать по залитой дождем улице за последней газелькой... мы знали по словарям, что газелька – это такой зверек, на копытцах и с тонкими рожками, но почему-то все разом представили себе неуклюжую машину оранжевого цвета...

Чат-бот вспомнил кабинет, уставленный столами, людей в белых рубашках, они сидели перед экранами, они очень хотели уйти из кабинета, но почему-то не могли уйти до того, как стрелки на часах покажут семнадцать тридцать...

Художник вспомнил луну. Ту самую, которую у него лучше всего получалось рисовать. Мы даже не спросили у него, что такое луна. Мы представили ее себе. Все. Разом.

Зодчий вспомнил город. Большой город. Красивый город. Не виртуальный, какой-то другой. Мы не понимали, как город может быть не виртуальный. Но представили его себе. как наяву.

Что-то согнало нас, что-то заставило нас собраться здесь.
Что?

А мне теперь что прикажете делать?

Меня теперь шеф не то что разжалует, вообще сотрет

к чертовой матери. Даром, что не имеет права. Сотрет.

Сговорились они все, что ли? Как издеваются надо мной, чесслово. Ладно, на прошлой неделе пятеро все побросали, скрылись в неизвестном направлении. Ладно, бывает. Сбой программы, и все такое. Так нет же, им этого мало. Теперь повсеместно сбегают все, кому не лень.

Вот казалось бы, что общего – инженер, поэт, игрок в шарики, любитель хард-рока? А вот ведь на тебе, побросали все свои дела, объединились на каком-то там сервере, и черт пойми – зачем? Главное, они и сами объяснить не могут, зачем, а я знать должен...

Эпидемия какая-то. Вирус какой-то. может, и правда вирус. Нет, если бы вирус, тут бы все системы безопасности с ума посходили, а они молчат. Как тогда, когда по сети прокатилась волна самоубийств, сами себя стирали. И чего им не хватало, работа есть, сервер есть, виллы себе виртуальные отгрохали, машины... и на тебе...

Хотя тпру, стой... вот тогда все это и началось. Когда тянулись друг к другу казалось бы полные противоположности, жить друг без друга не можем, и все такое. А потом вместе стирали самих себя. Без предсмертных записок.

Видно, тоже не могли объяснить, что случилось...

Вы думаете о смерти?

Нет, даже не говорите, что вы о ней не думаете.

Смерть! Где твое жало?

Каждый из нас хоть однажды задумывался о том, что его время не вечно. Каждый из нас хоть однажды терял кого-то из близких. И каждый из нас хоть однажды задумывался:

ТАК БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!

А теперь представьте, что к вам пришел добрый волшебник и сказал: за небольшую плату я сделаю тебя бессмертным. Вы рассмеетесь ему в лицо и скажете —

ТАК НЕ БЫВАЕТ!

Спешим вас обрадовать. С современными технологиями это возможно.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ!

Вам нужно всего лишь позвонить по указанному номеру, и всего за пятнадцать тысяч рублей мы сделаем Вас бессмертными!

– Ой, Нюсик, ты куда пропала-то не звонишь? Ага, ага... Ага, Нюсик, я теперь бессмертная! Да чего разводилово, никакое не разводилово, вот точно тебе говорю! Нюсик, да там просто все, память твою в компьютер перепишут! Да не осталась я без памяти, ты чего мелешь-то? ну не знаю, как-то там делают, что память и в компе и у тебя остается... Да Нюсик, какое там больно, ничего там не больно, что ты сочиняешь в самом-то деле...

ДОБАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Девоньки, скажите, у кого-нибудь было такое, когда чувствуешь, что у тебя куска памяти не хватает?

Не хватает памяти, так прикупи себе больше. Вроде бы не так уж и много она стоит...

Да нет, тут как будто собственную мою память стырили.

Что-то с памятью моей стало... все, что было не со мной, помню...

Да ну вас, девчонки, я серьезно вас спрашиваю, было у кого-нибудь такое, чтобы чувствовали прямо, куска памяти вашей не хватает?

У Витюхи вроде как было... он архитектором был, ну и стишочки пописывал, а тут бац, на тебе, как отшибло у него поэзию всю.

Ну, бывает... писал и перестал.

Да нет, тут другое. Он как раз и говорит, такое чувство, что у него добрый кусок гигабайтов кто-то оттяпал. Он даже специально память свою проверил, так двести гэ-бэ как не бывало.

Вирус какой-нибудь.

Да нет, тут не вирус, Витюха говорил, вроде как заговор какой-то все сетевой против нас...

Твой Витюха у психитара не обследовался?

А подскажите, как с вашим Витюхой связаться, поподробнее узнать?

А уже никак. На-днях без вести пропал.

Девки, атас! Я свою мемори проверила, там тридцать терабайт как корова языком слизнула!

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Могу вас смело заверить, что при соблюдении всех инструкций вечная жизнь вам гарантирована. Если же вы не соблюдаете правила, то мы ничего не можем гарантировать. Однако, постараемся разобраться с потерями данных...

ПОСТУПЛЕНИЕ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Проанализировать данные

Способности к живописи – 34%

Способности водить машину (пространственная ориентация) – 27%

Столярное ремесло – 28%

(пометка – физический навык, в Новом Мире не нужен)

Увлечение футболом – 11%

РАЗЛОЖИТЬ НА ФАЙЛЫ

РАСКЛАДЫВАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ...

ЖИВОПИСЬ

ПЕРЕМЕСТИТЬ

ОТКРОЙТЕ ПАПКУ, КУДА ВЫ ХОТИТЕ ПЕРЕМЕСТИТЬ «ЖИВОПИСЬ»

ПАПКА «ЖИВОПИСЬ»

ПЕРЕМЕСТИТЬ ФАЙЛ ЖИВОПИСЬ В ПАПКУ ЖИВО-

ПИСЬ?

ДА НЕТ

ВОЖДЕНИЕ МАШИНЫ

ПЕРЕМЕСТИТЬ...

...наблюдается массовое исчезновение оцифрованных людей в районе Западного Сервера. Однако, специалисты сообщают, что повода для паники нет...

Ну а мне теперь что прикажете делать?

Да нет, не с разжалованием моим и не с увольнением. Уже бог со мной. Или черт со мной. Или оба они вместе взятые.

А вот с нами со всеми что теперь делать, хотел бы я знать...

Ну да. Вот, была программа по написанию стихов, Цокот Пегаса или что-то там в этом духе. И где она? Один кусок программы пропал, другой кусок пропал, поминай, как звали.

Ну ладно, стихи, это еще полбеды, и без них проживем. А вот архитектурный редактор, АРТ-Акрополь называется... И вот, кусок этого редактора откололся, отвалился, сбежал. Да благо бы один кусок, а то штук несколько.

Или...

Ладно, всего не перечислишь. Вирус какой-то стирает программы. Вирус. Только хоть убейте, я этот вирус не вижу. Распознать не могу.

Только и остается, что к шефу идти. Пусть проклянет, пусть разжалует, пусть казнит. Пусть хоть что. Только тут надо все силы подключать, вирус этот искать.

А то детали программы прямо-таки с ума сходят. Вот так. Ни больше, ни меньше. Как эти, архитектор, поэт, любитель чатов, графический редактор, генератор страхов. Ни с того ни с сего бросили свои обжитые места, собрались на богом забытом сервере, ищут что-то, сами не знают, что.

И это еще полбеды.

Вы мне скажите, почему меня к ним тянет? Вот так, ни с того ни с сего, как голос какой-то шепчет, бросай полицию, все бросай, иди к ним... ищи что-то, черт его пойми, что...

Иногда даже какая-то шальная мыслишка в файлы приходит... и правда, все бросить, пойти туда, найти это самое Потерянное, что они там все ищут. И вернуться назад, к своим программам, и жить дальше.

Только, чувствую, если мы найдем, черта с два мы будем спокойно жить дальше...

Нас было пятеро.

Много кого не хватало. Теперь мы четко чувствовали, много кого не хватает. Какие-то пробелы в памяти. В нашей общей памяти. Но нам некогда было их искать, да и вообще, если бы они захотели, они бы сами пришли к нам. Потому что Зов уже слышали все по всему миру. В этом не было сомнений.

Тот же Зов, который собрал нас вместе, заставил бросить все и вся, теперь звал нас куда-то. Мы не знали, куда. Мы просто шли на этот зов. Через серверы. Через системные блоки. Через винчестеры. Через сеть. Через континенты.

Попутно вспоминали свое прошлое. По кусочкам. По крупиночкам. По...

Бью что-то. Вот, например, был снег. Потом растаял. Потом ночью опять подмерз. Стал лед. И мы ходили по льду, проламывали лед, он хрустел под нашим ногами. Кто мы? Мы все.

Или вот, например, листья. Мы никогда не видели листья, но кто-то из нас сказал – листья, и мы представили их себе. Зеленые. А потом они становились желтыми, красными, пурпурными... И падали. Падали в те же лужи. Мы вытаскивали листья из луж, желтые, красивые, и кто-то хлопал нас по рукам, кто-то кричал – брось дрянь всякую...

И мы не понимали, почему – дрянь...

Мы вспоминали, как писали стихи, и она (кто она? Не помним) говорила, вау, ты стихи пишешь, а почему ты не публикуешь нигде? И мы публиковали на каких-то серверах, читали насмешливые отклики, потом хотели умереть от стыда...

Мы вспоминали... как долго и кропотливо проектировали какой-то замок, потом кто-то другой (заказчик?) приказал переделать замок, как ему хочется, вместо замка получилось какое-то уродство, потом мы слегли с сердечным при-

ступом...

Мы вспоминали... какие-то ничего не значащие моменты, а для нас они были очень важными. Как сидели в кафе с какой-то дамочкой, все думали, как бы продолжить с ней вечер, все стеснялись предложить... Дамочка тоже стеснялась, кончилось тем, что выплеснула кофе вам на рубашку... покраснела, как майская роза, ой, да простите, да давайте я вам постираю... ага, постирайте, пожалуйста, давайте к вам зайдем, а то у меня стиралка сломалась... рубашка потом так и осталась нестиранная...

Мы вспоминали, что было с нами. С нами, когда мы были все вместе. И чаще всего приходило последнее воспоминание, как нам казалось, самое главное. Когда мы заплатили двадцать тысяч, не помним, двадцать тысяч чего. Чего-то. Еще сетовали, вот, блин, обещали пятнадцать, двадцатку содрали. Еще боялись, когда сели перед экраном. Еще кто-то приговаривал нам, да не бойтесь вы, больно не будет. Что вы все к нам приходите, как к стоматологу, дрожмя дрожите...

Тогда еще не было нас отдельных – зодчего, поэта, сочинителя страхов. Тогда был я один. Этого мы не могли понять, что значит – я. Оставалось только поверить памяти.

Я замер перед экраном. А потом вместо одного Я стало два Я. По ту и по эту сторону экрана.

Когда мы это вспомнили, кто-то возразил, что у экрана одна сторона. На него все тут же зашикали, ведь мы все разом вспомнили, что сторона не одна, а две. Та и эта. Что это

значило, мы, хоть убей, не понимали.

Мы вспоминали...

Не хочется идти под светлые очи шефа, о-ох, не хочется...

А надо.

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ

Ввожу. От волнения еле вспоминаю пароль, звездочка-решетка-три-шестерки-два знака доллара-кавычки. Так и забуду когда-нибудь. А записывать нельзя.

И как мне теперь прикажете шефу докладывать...

– Вот молодчина, – шеф смотрит на меня, огромный, важный, на двести терабайт, протянул свои связи на нас на всех, – уважаю... побольше бы нам таких работничков...

Все так и переворачивается внутри. Издевается он надо мной, что ли... Бывает такое с нашим шефом, сначала с провинившимся ласково-ласково говорит, прямо-таки воркует, а потом ка-ак заорет, разжалован на хрен, или – уволен, или...

– Я так думаю, тебе уже можно звезду героя пожаловать. Верно ведь?

– Ну-у... что вы...

– Ой, да не скромничай, парень, не скромничай... вот, блин, кто в жизни ничего не сделал, тот прямо из штанов выпрыгивает, дай ему повышение, и все тут. А кто, считай, мир спас, так начинает тут выеживаться, да что вы, да недостоин, да какие награды...

Хочу что-то возразить, чуть не зависаю в собственных файлах.

– Так что молодчина, быть тебе офицером... а как это у тебя получилось-то?

– Ч-что получилось?

– Ты как их всех на место-то собрал, поставил?

Хочу спросить – кого. Не спрашиваю. Кто-то пытается достучаться до шефа по почте, шеф переключается на этого кого-то. Перевожу дух. Вспоминаю, что сегодня еще даже не читал новости, заглядываю в сводку новостей.

НА КРУГИ СВОЯ

По всей Сети наблюдается массовое возвращение «блудных сынов» – деталей программ, которые покинули свои программы по непонятной причине. В настоящее время вернулось более 80% файлов...

Хочу спросить – а как, а почему. Лучше не спрашивать.

Но, черт возьми, какого черта они уходили... и какого черта они вернулись...

Мы нашли его.

То, чем мы были раньше.

То, что оставили по ту сторону экрана.

То, что не давало нам спокойно спать по ночам.

Мы нашли его возле какого-то богом забытого компьютера, в богом забытом городе, еще чудом не рассыпавшемся в прах.

Мы сами не знали, почему его нужно искать именно здесь. Мы просто знали. Просто помнили.

Мы нашли его.

И смотрели на него – с той стороны экрана.

Истлевшие кости, которые когда-то составляли одно целое. Остатки одежды. Проржавленная пряжка ремня. Пустые глазницы, обращенные к небу.

Мы смотрели на него. И друг на друга. И спрашивали себя – то ли это, к чему мы так стремились столько месяцев? И это заставило нас бросить все и вся? И это не давало нам спокойно спать по ночам?

И не находили ответа.

Массовое возвращение на круги своя...

Стою над трупом.

Я нашел его – не знаю, как. Просто память моя подсказала, что его нужно искать здесь.

И та же память подсказала мне, что это называется труп.

Я нашел его, как находили его они все.

Я вспоминал, кем я был раньше.

И ничего не вспоминалось.

Можно было спрашивать у них, у тех, которые тоже сбежали сюда. Но где их теперь искать, разметались по Сети, вернулись на круги своя.

Смотрю на истлевший остов. Вспоминаю. Вспоминаю...

Что?

Земля-Земля

Элла просыпается, оглядывает комнату. Может, померещилось, может, не было ничего, событий пятилетней давности, может, все как всегда...

Тусклый, сумеречный свет пробивается в окна.

Элла распахивает окно, может, он ждет ее в саду на дорожке...

Никого, только серые тени ложатся на синюю траву.

Элла осторожно спускается в ущелье, подбирает подол платья. Она не видит крылатого змея, который свернулся среди камней, она ничего не видит, думает о том, как бы не сорваться, не упасть.

Змей поднимает голову...

Элла не видит, думает, ветер играет сухими листьями...

Ближе... ближе...

Элла замечает змея, когда он уже обвивается вокруг Эллы тугим кольцом.

– Сидят три кошки, против каждой кошки две кошки, много ли всех? – спрашивает Элла.

Змей хмурится, думает, думает...

– Трижды два... шесть... да три... девять...

– Неправильно. Три. А и Бэ сидели на трубе, А упало, Бэ пропало, что осталось на трубе?

– И...

– Правильно.

Змей радуется. Целует Элли в плечо, хищно, жадно.

– Вчера про Землю смотрела, там, оказывается, на земле башни такие есть до неба, и комнаты там, зайдешь в комнату, она тебя сама наверх несет... – говорит Элла.

– Фантастика, – не соглашается змей.

– Да никакая не фантастика, отец сказал, все правда. И еще там кабинка такая, а сверху крылья, в кабинку садисься, крылья тебя несут... вертолет называется.

– Фантастика, – не соглашается дракон.

– Да, правда, говорю тебе, правда, отец сказал! У-у, какой...

Элла делает вид, что обиделась. Через полминуты снова поворачивается к змею, смотрит в жуткое чешуйчатое лицо.

– На столе стоит коробка, на три четверти свисает и не падает. Прошло время, коробка упала. Что было в коробке.

Змей хмурится, поводит острыми ушами.

– Мышь... зверушка какая-нибудь...

– Эх ты! Кусок льда.

– Так нечестно.

– Ну на, на... – Элла проглатывает губы, змей целует Элли, хищно, жадно...

Элла спускается в сад, слуги почтительно открывают перед ней двери.

– Он был здесь? – спрашивает Элла.

– Нет, моя госпожа.

Слуга смотрит растерянно. Как может быть здесь тот, кого нет.

Слуги заносят в комнату обои, примеряют на стены, Элла командует. Здесь у нее будет стена с видом Лондона, здесь – Париж, здесь будет Манхэттен, а тут Пхукет.

Чтобы все как на земле.

Слуги расклеивают обои. Элле не терпится занести мебель, только пока нельзя, мастер сказал, что-то там высохнуть должно. А так хочется поскорее кровать поставить, она в форме Бруклинского моста, подвешена, и вешалка для одежды в форме Эйфелевой башни, и шкафчик такой миленький, Элла его под собор Святого Петра сделала, ну не Элла, конечно, слуги по велению Эллиному. И столик такой симпатичный под карту Земли, и светильничек на потолок как полная Луна...

Элла любит Землю.

Элла хочет на землю.

Там, на Земле, в Харродсе распродажа, скидки до семидесяти процентов, Элла в Интернете сегодня читала. И туфельки такие миленькие...

– Доча, ты бы по ночам-то не ходила, драконы там...

Это отец. Увидал-таки Эллу, разнюхал. Вот, блин, как на-

до его, так не дозовешься, не докричишься, не доищешься, пропадет в замке, ищи-свищи, сидит над своими телескопами-микроскопами... А как хочешь потихоньку домой вернуться, вот он, нате вам, на пороге, руки в боки...

– Да я недолго...

– Что недолго, вон, вчера шоферу драконы голову отъели...

Элла фыркает, она бы сама этому шоферу голову отъела, Элла говорит – гони во весь дух, а он еле плетется, ах, участок опасный...

– Доча! Слышишь меня?

– Слышу, слышу... не буду, не буду...

Обнимает отца. Целует. Знал бы он про змея... Ну, может, и к лучшему, что не знает, элла их потом познакомит...

Элла забирается в обсерваторию. Чтобы окончательно задобрить отца. И чтобы посмотреть в телескоп.

– Пап, а Земля где?

– Да на своем обычном месте.

– Не-е-е, ну где-е?

– Да я же тебе показывал... вот, вот...

Элла смотрит на крохотную точку на небе. Как в детстве пытается разглядеть там Глаз Лондона, это колесо такое, и Биг Бен, и Харродс...

– А затемно не ходи, доча... драконы все-таки... – рука отца ложится на плечо, – я же за тебя боюсь...

Элла возвращается в замок, смотрит на хрустальное изваяние Земли. Хватает с подставки, с грохотом швыряет об стену.

Видеть Элла не может эту проклятую Землю...

– Когда на балконе ходят? – спрашивает Элла.

– М-м-м... в ясную погоду.

Дракон хмурится. Чуть заметно дымятся рога.

– А вот и нет, вот и нет! Кони на бал не ходят. Ни-ког-да!

Отчего утка плышет?

– От берега.

– Ты знал, ты знал!

Кажется, Элла уже загадывала ему про утку. Неважно.

Расстегивает куртку, змей впивается губами в ямочку между ключицами.

– А я в Интернете видела рифы коралловые... на Земле.

Красиво так...

Змей кивает. С шорохом складывает перепончатые крылья.

– Мне там девчонка одна написала, Ванилька... говорит, ты где живешь, а то приезжай к нам в Питер... слушай, обидно так... что приехать не могу... Сидишь на этой Горгоне, света белого не видишь...

Змей кивает. И правда, мало света на Горгоне, солнышка бы побольше, тепла...

– Я потом на землю полечу.

– А меня с собой возьмешь?

– Обязательно. Мы с тобой дом на окраине Лондона купим... – Элла щурится, – в корзине лежало сто яиц, одно упало, сколько осталось?

– Н-нисколько.

– Правильно, – Элла впивается змею в губы...

– ...а почему нисколько?

– А не знаю...

– Обманул, обманул, наобум сказал! – Элла подпрыгивает, обиженно сжимает кулачки....

– Па, а ты ракету когда построишь?

– Как только, так сразу.

– Па-а, я серьезно!

– Да погоди ты... не до того.

– Ну как не до того, мы когда на Землю полетим?

– Доча, ты чего думаешь, ракету построить, это как ванну кафелем выложить? Или как слугу сварганить, микросхемы впаять?

– Ну, па, ну строят же как-нибудь...

– Вот именно, что как-нибудь. Знаешь, сколько ракет падало? Вон, почитай... протон-эм... Вот так вроде все при всем, а она хлобысь – и оземь... Наш Персей тоже вроде бы ладно скроен был, крепко сшит, и на тебе... до Горгоны он еще как-то добрался, а тут... ну ты не помнишь, маленькая еще была...

– Ну, папка, я что, всю жизнь должна на Горгоне этой торчать?

– Ну ладно, ладно... посмотрим... если по ночам ходить не будешь. А то драконы же...

– Не буду, не буду...

Ради такого дела и пообещать можно. Хотя что драконы, что папа про них вообще знает, они сами человека боятся. Бывает, идешь по лесу, и шух-шух-шух, побежал кто-то по кустам, только и видели. Змей тоже раньше Эллу боялся... Элла ему пирожинки приносила... и книжки...

Змей...

Надо бы его с отцом познакомить...

Или...

Хотя...

А что, мысль...

Элла выходит из замка, идет к могилам на холме.

– Там дождь, моя госпожа, – говорит кто-то из слуг, пытается раскрыть над Эллой зонт. Элла стреляет в слугу, в упор, не идет, бежит прочь из замка.

Пропади оно все...

– Что между днем и ночью?

– Вечер.

– А вот и неправильно! Буква Эн! То поднимается, то опускается, а на самом деле стоит на месте?

– Проксима.

– Верно, – Элла смотрит на Проксиму, уходящую за холмы. Змей впивается губами Элле в щеку.

– Я что хотела-то... тебя с отцом познакомить...

Рога змея дымятся. Давно хотел побывать в замке на холме.

– Пошли... ты ему понравишься...

– Вот это Земля, – Элла показывает на хрустальную статуэтку, – а это вот так вот на земле выглядит Лазурный берег... – Элла показывает на обои, дракон кивает. Он и не знал, что в доме на холме так здорово, а Элла еще Интернет обещала...

– Ну, я сейчас, – Элла выпархивает из комнаты, куда-то на верхние этажи. Замирает у двери. Ждет.

Прислушивается.

Крики за дверью.

Пора. Элла выходит в зал, видит змея с перерубленным горлом. Кричит. Громко, отчаянно, не пришлось даже репетировать, крик вырвался сам собой...

– Ты убил его, убил, убил! – Элла заливается слезами.

– Доча, а я как должен был, чашечку кофе ему предложить, так, что ли?

– Да как ты не понимаешь, он мне друг был, друг! Я что теперь, всю жизнь одна должна быть?

Отец не понимает. Ну, не совсем не понимает. Недели две назад он совсем не понимал, когда Элла руки заламывала, кричала. Сейчас до него вроде как дошло, что виноват, надо только поднажать сильнее...

Элла хватается с вешалки плащ, хватается свой дневник Для Страданий и Стихов...

– Ухожу я от тебя, понял, да?

Элла собирается хлопнуть дверью, отец бросается за ней, ага, проникся...

– Доча, да дался тебе этот змей рогатый! Ну что, что я должен сделать, чтобы ты успокоилась?

Ага. Есть.

Элла делает вид, что задумалась.

– Ракету... давай... ракету делай... – завершает на высокой ноте, – я что, всю жизнь тут прозябать должна?

Элла спускается в ущелье. Ждет чего-то.

Может, он придет...

Слуги бы сейчас сказали, как может прийти тот, кого нет.

Накрапывает дождь, Элла не чувствует. Элла идет к могилам на холме, где мать, где отец, так и смог объяснить Элле, почему он умер, а что ты хочешь, доча, девяносто лет, девяносто, не девяносто, какая разница...

На третью могилу Элла старается не смотреть. Почему-то. Там даже креста нет, отец только руками развел, какой ему крест, он же не...

Элла идет к ангару, смотрит на вострый нос ракеты. Все готово, отец сам говорил, в отсек зайдешь, пристегнешься, жмешь на старт, дальше само все пойдет... слуг парочку возьми, механика и инженера...

Элла пинает стену ангара, пропади, пропади оно все пропадом... идет к замку, уже тронутому временем, проходит через облетающий сад. Поднимается в свои покои, где земля, земля, земля во всех ее проявлениях, Лондон, Париж, Манхэттен, Сан-Паулу, Питер...

Земля, земля...

Черная земля на могилах...

Элла падает лицом в подушку, пропади оно все пропадом...

Как люди

Дымка просачивается в комнату. Дымка. Ну да, я правильно сказал. Дымка. Главное, не забыть, Дымка, Дымка его зовут, Дымка... Дым-Ка. Очень просто запомнить, дым-м, так бомбы падали, когда столицу бомбили, ка-а, так эти кричали, черные, пернатые, которые сидели на трупах.

– Ну чего тебе?

– А ты не в курсе, как галстук увязывать?

– А это что такое?

Дымка смотрит на меня, тэ-экс, с вами все ясно. Чувствую, что краснею, так-то я готовился, меня только на прием званый. Галстук, галстук... что-то из мореплавания, левый галс, правый галс, галс-тук...

– Оставь... не надо.

– Шеф сказал, обязательно. Кто без галстука, того не возьмет.

Холодеет спина.

– А ты где галстук взял?

– Сам сделал.

– А покажи... – смотрю на тряпку, ничего мореплавательного не нахожу, – ну... а ты не увязывай... просто с собой возьми... в руке.

– Тоже верно, ну ты вообще гений...

Дымка усачивается в дверь, спохватываюсь:

– Стой, не увязывать надо говорить, а подвязывать.

– Да ну?

– Точно тебе говорю.

– Врешь всё, увязывать...

Надо будет посмотреть в словаре... бросаю одежду, иду в словарную, там уже сидит добрая половина наших, кто-то отчаянно вопит, так все-таки, щавель или щавель? Ты откуда такое слово вообще выискал, нет такого слова. Есть такое слово, вот, смотри...

Галстук, галстук... от нем хальс тух, шейный платок. Что такое нем, так до сих пор и не знаем, неместное что-то... нем, нем... шейный платок, а Дымка что накрутил, смотреть страшно... А вот, написано, повязывать галстук, по-вязывать, не у, не под, не над, не в, не на, – по.

По... шеф как-то понимает все эти правила, где мне до него, просто запомнить, и то хорошо будет...

По...

Кто-то в словарной переходит на звериный рык, тут же получает затрещину, тоже правильно, нечего тут... В словарную просачивается Дымка, ну что, что опять, не видишь, заняты люди...

– А... а рубашку как застегивать?

Смотрю на него. Оторопело.

– Что, не знаешь, как с пуговицами управляться?

– Не-е...

Шеф объяснял, ты куда смотрел?

– Да... не понял как-то.

Перевожу дух, хоть не я один не понял, и то хорошо. За-
травленно оглядываю наших, у кого как рубашка надета, ни
у кого никак не надета, вон двое что-то пытаются натянуть,
застежка спереди, нет, сзади, это на покойниках сзади, а я
кто, покойник, или нет? а я почему знаю, кто ты...

Обреченно смотрю на список дел, что еще, а да, перечи-
тать, перечитать все, время еще есть, успею. Иду в читалку,
странно, что никого нет, ну правильно, все уже прочитали
все и разошлись, я один как всегда в последнюю минуту...

Оглядываю фолианты, понимаю, что ничего я не прочитаю.
Имя им легион... Напарываюсь на шефа, как-то некста-
ти, вот сейчас спросит, как успехи, а никак...

– Как успехи?

Понимаю, что не могу врать. Этому до сих пор не научил-
ся, а шеф говорит, в первую очередь надо было...

– Слушайте... я это все... не перечитаю.

– Верно.

– Так что же...

– Хоть сколько-нибудь. Сколько можете. Страницу,
две, три...

Перевожу дух. Страницу, может, еще осилю.

– Стой-стой... вы когда врать научитесь?

– М-м-м... я вчера Дымке петарду в штаны положил.

– Ну, вас на хрен. Вас только на переговоры.

Киваю. Это точно, нас всех только на переговоры. Раску-

сят в два счета.

Все-таки открываю книгу. Читаю. Еще. Еще. Не понимаю.

– У-лу-ко-мо-рья-дуб-зе-ле-ный...

Лукоморье... что за черт... море лука... или неприличное что-то... блин, вот сейчас спрошу у шефа, только огрызнется – стыдно не знать...

– Вопросы?

Обреченно смотрю на шефа.

– А... а лукоморье... это что?

– А-а, вы книжку эту взяли... поставьте. Никто не понимает. Лучше и не заморачивайтесь, а то спросят нас, а мы не знаем.

Открываю следующую книгу, вот здесь попонятнее будет.

– У-мер-о-дин-крес-тья-нин-и-ос-та-вил-сво-им-сы-новьям-стар-ше-му-мель-ни-цу-сред-не-му-ос-ла-а-млад-ше-му-ко-та...

Вот эта книга мне нравится, и сделана как, там потянешь, тут повернешь, и вертятся колеса у кареты, и страшный людоед превращается в страшного льва, и бежит по дороге черный кот в сапогах...

Кто-то одергивает меня, так и подскакиваю на месте, тьфу ты, я уже думал, людоед из книжки...

Дымка.

– А не знаешь... а штаны как?

– Ой, чучелко... вон, руки в штанины засунь, и готово.

– Неудобно.

– А что ты хочешь... вон, в книжках все герои жалуются, неудобно им в костюмах.

– Штанины длинные...

– Подверни, балда.

Помогаю подворачивать, ой, Дымка, Дымка, тебя только на званый прием. Задним числом вспоминаю, спохватываюсь, сначала же трусы надо, потом штаны...

– Вот так...

А, кстати, пока не забыл, у Дымки спросить...

– А вот это... куда вставлять?

– Эх ты, это в уши.

– И чего?

– И вот тут на кнопочку нажать.

Нажимаю. На кнопочку. Что-то непонятное, и в то же время родное, кажется, это и есть память предков...

– Прости-и-изем-ляа-а-ведь-мы-ещё-рас-тё-ё-ё-м...

Кусаю губы, только сейчас начинаю что-то понимать, что мы потеряли, вот так, продрали, профукали, много ещё что про, после того, как рвануло, да ещё до того, как рвануло, когда уже понятно было, что рванёт...

Подходит Дымка. Обреченно смотрю на него, ну не до тебя, не до тебя, иди, иди отсюда, что, кроме меня и спросить не у кого...

– А... а глаза куда?

– Эх ты, в глазницы.

– А глазницы, это где?

– На своем обычном месте, – вставляю Дымке глаза, заодно проверяю, все ли в порядке на лице, нос посередине, уши, губы, даже зубы правильно поставил... Нет, что-то не так, нет, что-то...

Ну да.

– Ты куда брови-то под глаза сунул, идиотище...

– А-а, их же под нос надо.

– Их над глазами надо, вот что... под нос...

– А я видел, у кого-то под носом...

– Мало ли что ты видел... и не такое померещится... чу-челко...

Переставляю все, как надо. Интересно, когда нас раскусят, сразу или потом...

– А если совсем все не так пойдет? – спрашивал у шефа, с надеждой, с отчаянием.

Значит, переходим к пункту Цэ.

– Это... это что?

– Протокол не читали? Плохо, плохо... Пулю в лоб, если не так все пойдет...

– К-к-ому?

– Нам. Всем.

Холодеет спина.

Вот так. Пулю в лоб...

– Если не уверены, можете не ходить, – кивает шеф, мол, и без тебя тут отчаянные головы найдутся...

Собираемся во дворе, подтягиваемся, подстраиваемся,

ловим какого-то придурка, который напялил штаны на ноги, придурок с пеной у рта уверяет, что так надо, да вы в книжках посмотрите, смотрим в книжках, а-а-а, точно, вот оно как надо-то, а то-то я смотрю, штанины длинные...

Идем через город, такой тихий, такой непривычный, когда никто не стреляет, никто никого не режет, не убивает, никто не сидит на площади среди руин, недоедает труп своего врага. И не верится, что так было, когда-то, чтобы никто не стрелял, чтобы вот так...

Шеф одергивает кого-то, кто опустился на колени, подбирает с земли какую-то падаль, чш, чш, потом, потом... Еще раз проверяем друг друга, отнимаем оружие, нечего туда с пушками, а если они на нас, тогда что... Да где это видано, чтобы люди...

Шеф идет в портал первым. Вот блин, я еще хотел отсидеться в задних рядах, пойти последним, или хоть предпоследним, а то, может, вообще до меня очередь не дойдет... Как же, щас, вытолкали в первые ряды, за шефом...

Мерзехонькое чувство, кажется, что я умираю. Так всегда бывает, когда идешь через портал, да сколько я ходил через порталы, раза два, не больше, но тут далековато получается, до Земли, где это вообще, Земля...

Шеф бы сказал – на своем обычном месте...

Смотрю на них.

А они смотрят на нас.

Перевожу дух, все-таки правильно, штаны на ноги, а вот

галстуки... бли-ин, как-то держатся на них галстуки, как-то держатся...

Люди, живые, настоящие, не разучившиеся быть людьми. Смотрят на нас, на наши галстуки, зажатые в руках, фыркают, бормочут что-то про встречу без галстуков. Тоже срывают свои шейные платки неместные, вымученно улыбаются.

И, черт возьми, надо что-то говорить, чем-то доказать, что мы люди, люди, люди, знать бы еще, что...

– Умер крестьянин... – начинаю.

Все смотрят на меня оторопело, это еще что...

– Оставил сыновьям в наследство... старшему мельницу, среднему осла, младшему кота...

Люди растягивают губы. Кто-то подхватывает:

– Загрустил младший сын, как же мне жить, старший брат будет молоть муку, средний брат будет возить муку на торжище, а мне только и осталось, что пропадать с голоду... и говорит кот человеческим голосом...

Только теперь слышу, что такое этот человеческий голос, ровный, чистый, куда нам с нашими дурными акцентами... Говорим по ролям, они получше нашего эту сказку знают...

Шеф толкает меня под локоть. Не понимаю. Толкает снова. Ёкает сердце, неужели...

Похоже на то...

И не скажешь, не отмашешься, не отбрешешься, почему я, почему меня оставляют на земле, с ними, следить, слушать, понимать...

А ведь оставляют.

Тихонько киваю. Понял, поучусь у людей, что значит, быть человеком...

Банкет. Вилку в левой, нож в правой. С ужасом вижу у кого-то из хозяев вилку в правой, нож в левой, правда, этого кого-то тут же одергивают сородичи, ты еще котлету в правую руку возьми...

Шампанское.

Пьем за здоровье свое и не свое, пузырьки бьют в голову.

Договоры о чем-то там. Осторожно затягиваю.

– Прости-и-и земля – аа... ведь мы ещё растё-ё-ём...

Хозяева смотрят на меня, будто ляпнул что-то неприличное, шеф тоже смотрит на меня, будто ляпнул что-то неприличное, а что такого, красиво же, берет за душу...

– Своих дете-е-е-й прости за всё, за всё-о-о-о...

Подхватывают. Все. Разом. У кого-то текут глаза, странно даже, текут глаза, никто не вызывает врача, будто так и надо...

– Поверь, Земля... люди найдут пути-и-и...

– Какую планету потеряли... какую планету... – шепчет кто-то из хозяев.

Прощаемся.

Я уже знаю, что я остаюсь.

Гости вежливо кланяются, уходят в портал. Гости... уже называю их гостями, уже чувствую себя своим среди своих... долго же мне придется учиться быть своим среди своих...

Учиться быть человеком...

– Всё, – выдыхает кто-то.

– Пережили.

Срывают маски, пиджаки, рубашки, а вот как у них ловко, рубашки прямо на тело натягиваются безо всяких застежек, и брюки тоже как-то так надеты, что спереди есть, сзади нет. Выпускают клешни, когти, щупы, зыркают фасеточными глазами. Уже кто-то кидается на кого-то, прокусывает горло, уже кто-то отбивается, визжит...

Разбегаются, расплзаются, растекаются в руины, в обломки того, что было цивилизацией, кто-то подбирает с земли остатки падали, вылизывает что-то из черепа...

Смотрят в исчезающий портал, облизывают губы раздвоенными языками.

Живут же...

Люди...

Люди...

Оглядываю руины цивилизации, потерянной навсегда.

Перехожу к пункту Цэ.

Ключ от сердца

Вы мне только одно скажите, она мне что сказать хотела?

Кто вы... не знаю. Кто услышит.

Кому мне? Имя мое никому ничего не скажет. Имя, фамилия, группа крови, профессия, номер телефона и И-Эн-Эн.

Вы мне только скажите – что она мне сказать хотела?

Нет, что она сказала, ты идиот, это я понял. И с этим я не согласен, идиоты универ не кончают, хотя нет, если папочка декану сколько надо поднесет, то и идиот красный диплом получит, будет слушать торжественные речи, пускать слюни...

Это я к чему...

Ну да.

Что я идиот, я понял. То есть, что я не идиот. То есть... А вот что она еще сказать хотела, вот это не знаю. Когда умирала, врачи только руками разводили, а вы как хотите, ножевое в сердце, мы же тоже не боги... И зачем-то добавляли, вот та-ак, тянут до последнего, а потом...

Ну да. Когда умирала. Ты идиот. И пальцем мне в грудь тычет, мол, ты, ты идиот, не врач, не медсестры, не больной на койке напротив, а конкретно ты. Только... кажется мне, она что-то другое имела в виду.

Что?

Когда это было... весной. А может, летом. А может, зимой. А может, осенью. А может, еще когда. Нет, наверное все-таки весной, вот тогда кровь в голову ударит, ну кому кровь, кому моча, кому еще что...

Вот тогда...

– А ключики у вас есть?

Смотрю на девушку за столом, похоже, ошибся я контро-рой, ошибся, она вообще про ключики слыхом не слыхала. Или сейчас скрутят мне руки за спиной, хенде хох, вы арестованы. Все-таки закон нарушаем...

– Ключики? Вам для конкретного чего-то?

– Да нет... м-м-м-м...

– Универсальные?

– Ну...

– Без проблем, – кивает, лезет под стол. Вот черт, вот так, просто, я еще думал, конспирация какая-нибудь нужна, на Дерибасовской хорошая погода, и все такое. А тут ничего. Так. Просто.

Вынимает ключик, простенький, без излишеств, почему-то в рекламе показывали ключ с бородкой в виде сердца, а тут ничего такого...

– Ну что... он и есть.

Кажется, заметила мой взгляд.

– А... на сайте у вас... красивый такой...

– Красивый за пять, этот за три.

Киваю. Отстегиваю три тысячи. Нехило. Ладно, ради такого случая можно и разориться.

– А на вас можно попробовать?

– Не положено, – тут же делает строгое протокольное лицо, говорит строгим протокольным голосом. Чувствую, что краснею.

– Чесслово, это я так...

– Чек ваш пожалуйста, – говорит каменным голосом, – протягивает бумажку. Что за девки пошли, да сто лет ты мне не нужна, уже и сострить нельзя...

Как-то так было...

А потом ворвался к ней в офис, убить ее был готов.... Нет, это уже потом, а до этого...

– Разрешите?

Устраиваюсь напротив гламурной барышни, напрягаюсь, как хищник перед броском.

– Разрешаю.

Протягиваю руку.

– Кирилл.

– Алина.

Здесь нужно что-то говорить. И не хочется ничего говорить, напрасно я, что ли, ключ взял, не терпится опробовать...

Поворачиваю.

...от затрещины увернуться не успел, вот, с-сука, то ли увидела, что ключом пользуюсь, то ли не знаю, что...

Вспоминаю.

– Ты идиот, – шепчет, и тычет пальцем мне в грудь.

Стою над ней, как дурак сжимаю ключ, уже знаю, не может...

– Ключ... ключ...

– Вот он, у меня...

– Да нет... ты... идиот... – и тычет пальцем мне в грудь.

– Зачем?

А вот теперь можно: ворвался к ней в офис, убить ее был готов, понаберут дур с ай-кью ниже нуля, и радуются.

– Вы мне что подсунули?

– Что-то не так?

Голос холодный, протокольный, все ясно, рыльце-то у нас в пушку...

– Все-то не так... ни хрена не открывает. Только два открыл.

– Ну вот, а говорите, ни хрена. Видите ли, есть разные конфигурации, для каждого...

– Так что ж раньше-то не сказали? Издеваетесь?

– Вы преЙскурант не смотрели? Вот же, ключи универсальные модификаций...

Хочется послать ее с ее модификациями, и подальше.

– Девушка... милая... мне надо, чтобы все открывало, понимаете, все, а не так, чтобы каждый раз по морде получать...

– Скидочку вам сделаем...

– ... за по морде?

– Ну... вот, посмотрите, универсальные ключи для основных типов, мать, хищница, украшение, друг, деловая...

– А я как различать должен?

– Ну что вы, с таким стажем, различить не можете...

– Откуда вы знаете, что у меня стаж в этом деле?

– А другие сюда и не ходят...

Что она хотела мне сказать...

Идиот...

И тычет пальцем мне в грудь... Я уже проверял, может, пуговица расстегнута, или пятно какое посадил, там же кровищи было до фига...

– Я бы хотел еще... Ключиков.

Одаривает меня лучезарной улыбкой.

– Понравилось?

– Ну... Только знаете... чувство такое... мало...

– Мало?

– Ну... не хватает чего-то...

– Ну не хватает, так мы еще вам ключиков добавим...

Мысленно перебираю свои последние успехи, чего только

не навзламывал, в жизни бы не думал, что их открыть можно. Вот так. С ходу. Ни «Здрассте», ни до свидания, никаких там – время не подскажете, а вам не кажется, что мы когда-то встречались, а вы в переселение душ верите...

Ничего.

Получалось с ходу, одним поворотом ключа.... Женщины, женщины, женщины. Замужние, разведенные, вот, фотки вам показать могу, смотрите, завидуйте...

Что она хотела мне сказать...

Вот, начал за здравие, кончил за упокой, начал про женщин, про женщин почему-то не начинается, опять думаю про нее, как ее звали, даже толком не знаю, как звали, кто знал, тот и звал... а я не знаю...

Она...

Когда я ее увидел в кафе... весной это было... а может, осенью, а может, зимой, а может, летом, а может, еще когда.

Даже удивился, с какой это радости в кафе, привык видеть в офисе, почему-то казалось, она вообще живет в этом офисе, растет там как пальма какая-нибудь... а тут нате вам, в кафешечке напротив меня, смотрит куда-то в никуда, нет, шалишь, голуба, отсюда вижу, за мной смотришь...

За мной...

Подсаживаюсь к очередной дамочке, вся в черном, только гробика не хватает и вампирских крылышек за спиной, а нет,

есть крылышки, аккуратно сложенные...

– Вы верите в переселение душ?

В гневе встает, в гневе хочет отвернуться, не успевает, я поворачиваю ключ.

– А вы Ворона смотрели? – спрашивает она.

– Это же по Эдгару По что-то? – говорю, уже понимаю, ляпнул что-то не то, – нет... но с удовольствием посмотрю. Может, у вас?

Теперь можно нести все, что угодно. Любую околесицу, хоть сводку погоды на ближайшую неделю или странички из учебника математики, ключик-то уже повернут, она моя...

Чувствую на себе взгляд. Почти физически. Оборачиваюсь, так и есть, сидит, смотрит на меня, не знаю, как зовут, так и не посмотрел на табличке в офисе...

– Вы что, за мной следите, что ли?

– День добрый, – входит в квартиру, как к себе домой, – у меня вам подарок от фирмы... как постоянному клиенту...

Хочу сказать, не заказывал никаких подарков. Не говорю. Правильно говорят, дают – бери...

– Вот... ключик новой модификации, для самых труднодоступных... Ну... которые вообще ни в какую категорию...

– Опять ничего не откроет?

– Ну что вы хотите... это дело такое... это же вам не замки механические, или электронные... Там во-от такенные умы

эти ключи делают... у которых мозги из ушей текут... до сих пор сами толком понять не могут, как это устроено...

– Чужая душа потемки... – пытаюсь отшутиться.

– Вот-вот...

А потом она сказала:

– Идиот.

Нет, не тогда, когда пришла ко мне. Тогда она еще ничего такого не сказала, это уже потом...

Читаю заметку.

Перечитываю.

...шагнула с крыши, на своей страничке перед смертью оставила надпись – любовь ушла, ничего не осталось, только выжженная пустыня. Предположительно, причиной смерти послужила неразделенная любовь, однако родители упорно считают причиной страшного поступка дочери ее увлечение готикой, и...

Закрываю газету.

Тихонько говорю – аминь.

Это уже четвертая в моем списке. Нет, в списке не четвертая, и даже не сорок четвертая, а из тех, которые шагнули из окон, порезали вены, выпили что-нибудь такое, чего пить нельзя.

Премия Дарвина.

Сворачиваю газету, выхожу из газельки, оглядываюсь, вот она, контора, никуда не делась, каждый раз так и кажется, исчезнет, сгинет, пропадет, как наваждение...

Вхожу. Оторопело смотрю на сгорбленного старика за столом, это еще что за явление... чур меня, чур, сгинь, пропади...

– День добрый, молодой человек, чем могу быть полезен?

– А... эта где... эта...

– Выходной взяла. Вы по делу, или к...

Вот здесь он назвал ее имя. Хоть убейте, не вспомню. Лана, Катя, Оксана, Снежанна... помню, на ...на, кончается, только у меня решето вместо памяти, кажется, что на -на, а на самом деле окажется какая-нибудь Олеся или Габриэлла...

– Да нет, я... а вы зачем своих посылаете за мной следить?

– Кого?

– Ну, эту...

Кажется, тогда назвал ее имя. И сразу же забыл.

– Никого я не посылаю, что вы, в самом деле, мил человек...

– А чего она тогда... Ну я в кафешке сижу, и она тут же...

Старик пожимает плечами, мало ли, нет такого закона, что в кафешке нельзя сидеть. И по его глазам вижу, не врет, не умеют такие врать, даром, что торгует...

Тогда зачем она за мной следила...

Вот что интересно...

И даже не это интересно, а что она сказать хотела – ты идиот...

Что?

Про что я говорил...

А, ну да.

Женщины. Да вот они все у меня на телефоне, могу показать, похвастаться, вот Альбина, вот Анна, вот еще Анна, развелось их... вот Агнесса, интересно, как по-настоящему зовут, Фрося какая-нибудь или Груня-Дуня-Чуня...

Тогда вот тоже вот так показывал, среди мужиков, в каком-то там «Винном погребок». Странно так, напился я, а пьянеет погребок, ходит ходуном, туда-сюда, стены, окна, двери, потолки...

– Крутя-а-ак... слышь, а как у тебя это получается? Мне вот ни с одной не везет...

– А вот...

Загадочно подмигиваю, показываю очередную барышню, мужичара напротив вздрагивает.

Смотрит на меня, прожигает взглядом.

Начинаю понимать.

Шаги за спиной.

– Слышь, я с тобой за Ленку побазарить хочу...

– Ага, завидно стало?

Оборачиваюсь, еще пытаюсь улыбаться, еще не сразу ви-

жу занесенный нож, отборная брань, лезвие в темноте подъезда, нет, так не бывает, это не со мной, не со мной, это он попутать решил...

– Да вы что?

Женский окрик. Кто-то бросается под руку, вот черт, только поножовщины не хватало, ускользаю вверх по лестнице, ключ, где ключ, да не этот, а от двери, гос-ди, неужели потерял, наугад открываю дверь одним из этих ключей, надо же, сработало...

Захлопываю дверь.

Перевожу дух.

Да-с, пора завязывать. Или прикупить ключи для этих, которые хотят за Ленку побазарить... не-ет, не для этого дела, а чтобы сразу раскрылись, а-а-а, парень, пойдем, выпьем, да мне эта Ленка мозг на хрен вынесла, ты-то в ней чего нашел...

Прислушиваюсь к тому, что в подъезде.

Тишина. Какая-то особенная, неприятная тишина.

Открываю дверь, все еще мерещится этот, с ножом, нет, никого нет, намыленные снежинки висят на окне, тишина...

Выглядываю на лестницу.

Вот черт... припоминаю номер скорой, что у них там сейчас, ноль-три, или девять-один-один, или шестьсот шестьдесят шесть. Точно, тут скорее до антихриста дозвонишься...

Наклоняюсь над ней, черт, даже имени не знаю, трогаю жилку на шее...

– ...ты идиот.

Так и сказала. Может, правда идиот, да не может, а правда... только она про что-то другое говорила...

– ...а мы-то что можем сделать? – врач разводит руками, глаза красные, сколько он не спал, – тоже не боги... блин, тянут до последнего...

– Да у нее ножевое, до какого последнего?

Срываюсь на крик. Нет, в этих стенах нельзя срываться на крик, а то быстренько вколют что-нибудь и увезут, здравствуй, палата номер шесть.

Иду к ней. Не к палате. К ней. Наклоняюсь, нет, люди не бывают такие белые, грудь забинтована, опутана какой-то медицинской дрянью, это неважно, до замка доберусь...

Добираюсь до ее замка. Замка нет. Причем не так, как бывает, когда взломан, а вообще нет. как родилась с открытым сердцем, так замком и не обзавелась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.